

Д. Ю. Полиниченко
Краснодар, Россия

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МИФОЛОГЕМЫ
ФОЛК-ЛИНГВИСТИКИ

ГСНТИ 16.21.27

Аннотация. В статье описываются современные российские фолк-лингвистические (криптолингвистические) концепции, исследуются используемая фолк-лингвистическими авторами стратегия дискредитации оппонентов. Демонстрируется, что в фолк-лингвистической среде распространены две взаимосвязанные лингвополитические мифологемы.

Ключевые слова: фолк-лингвистика; криптолингвистика; наивная лингвистика; вненаучное знание; языковые мифы; языковая политика; стратегия дискредитации.

Сведения об авторе: Полиниченко Дмитрий Юрьевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры научно-технического перевода.

Место работы: Кубанский государственный технологический университет (Краснодар).

Контактная информация: 350033 г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 80, кв. 53.
E-mail: dpol@bk.ru.

D. Yu. Polinichenko
Krasnodar, Russia

POLITICAL MYTHOLOGEMS
OF FOLK LINGUISTICS

Код ВАК 10.02.01

Abstract. The article deals with the conceptions of modern Russian folk linguistics (cryptolinguistics). A discredit strategy used by folk linguistics writers is described. Two interrelated language policy mythologems widespread in the folk linguistics environment are disclosed.

Key words: folk linguistics; cryptolinguistics; naïve linguistics; extra-scientific knowledge; language myths; language policy; discredit strategy.

About the author: Polinichenko Dmitry Yurievich, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Scientific and Technical Translation.

Place of employment: Kuban State Technological University (Krasnodar).

Ставропольская, д. 80, кв. 53.

Изучение металингвистической деятельности – мнений и взглядов обычных пользователей языка (не лингвистов) на язык и на языковую деятельность – является относительно новой сферой научных интересов.

Наивную лингвистику можно определить как комплекс представлений о языке, обнаруживаемый в самой системе языка и в речи (обыденной и художественной) его носителей. Наивная лингвистика – это «нерефлектирующая рефлексия говорящих, спонтанные представления о языке и речевой деятельности, сложившиеся в обыденном сознании человека» [Арутюнова 2000: 7].

Представляется, что из наивной, или бытовой, лингвистики можно выделить «профаническую проекцию науки о языке» [Клубков 2000: 110]; своего рода любительскую науку [Голев 2003: 178]. Как наивная лингвистика, так и фолк-лингвистика является комплексом представлений о языке, который противопоставлен языкознанию как науке. Однако фолк-лингвистика опирается на сознательную метаязыковую рефлексия пользователей языка и проводимые ими исследования языкового материала на доступном им уровне. Достаточно очевидно, что «каждый пользователь языка имеет определенные представления о языке, его единицах, процессах его использования и изучения, своеобразную “личную теорию” языка» [Кашкин 2002: 4–5]. Но собственно фолк-лингвистика начинается там, где происходит осмысление собственной металингвистической деятельности, и представления о языке начинают подкрепляться самостоятельными исследованиями языковых фактов и основанной на них аргументацией. Отсюда культурный феномен непрофессиональных лингвистических штудий, бази-

рующихся на донаучной или квазинаучной по своей сути методологии.

По аналогии с «фольк-хистори» [Володихин 2000] мы предложили называть совокупность непрофессиональных лингвистических концепций фольк-лингвистикой [Полиниченко 2007]. По примеру Д. М. Володихина, выбравшего в итоге форму «фолк-хистори», в дальнейшем будет употребляться только термин «фолк-лингвистика».

Здесь нельзя не упомянуть о термине «криптолингвистика», предложенном В. Н. Базылевым. Криптолингвистикой В. Н. Базылев называет философские представления о тайных сверхъестественных силах, присущих языку; фантастическое объяснение уже существующих исторических языковых событий (явлений) получили название криптоисторической лингвистики [Базылев 2009: 9–10]. Представляется, что термины «фолк-лингвистика» и «криптолингвистика» если не тождественны, то достаточно близки по своему содержанию: если в первом акцентируется дилетантизм авторов подобных теорий, их непричастность к науке о языке, то во втором – лежащие в основе таких теорий представления о скрытом, тайном, сверхъестественном. Заметим, что термин «криптолингвистика» (cryptolinguistics) употребляется в криптологии, где он означает изучение свойств языка, применяющихся в криптографии (см. <http://en.wikipedia.org/wiki/Cryptography>). Впрочем, следует отметить, что термин «криптолингвистика» (наряду с синонимами «фантастическая лингвистика» и «лингвистика псевдочуждых») используется и в зарубежной лингвистике [Дебрэнн 2009: 62–63].

Как пишет В. Н. Базылев, у таких авторов, как А. Н. Драгункин, А. Образцов, С. Т. Алек-

сеев и др., также существует и автотермин – «лингвофрическое описание языка» (от англ. *freak*) [Базылев 2009: 9–10]. Однако нужно заметить, что сами фолк-лингвистические авторы не применяют это слово для описания своих концепций: оно является не автотермином, а порождением интернет-сленга. Фриками или научными фриками (*science freaks*) называют представителей пженауки или псевдонауки (см., например, страницу интернет-сообщества «Научная кунсткамера»: http://community.livejournal.com/science_freaks/profile); таким же образом лингвофриками называют авторов или пропагандистов псевдонаучных теорий о языке [см. Зализняк 2010].

Направления современной российской фолк-лингвистической мысли были разделены нами на три группы: 1) интерпретация алфавита и любительская фоносемантика; 2) дешифровка и прочтение древних надписей; 3) этимологические и лингвистические штудии [Полиниченко 2009а: 70].

При рассмотрении феномена фолк-лингвистики в разрезе политической лингвистики фактом наибольшей значимости представляется проекция авторами своих выводов на политическую плоскость, в данном случае – плоскость языковой политики. Если в работе В. Н. Базылева рассматривается прежде всего составляющая данных концепций, связанная со всем скрытым, тайным, эзотерическим, то в данной статье мы попытаемся исследовать вопросы, связанные с лингвополитическими аспектами фолк-лингвистических теорий. В ходе исследования фолк-лингвистических текстов отечественных авторов были выявлены две взаимосвязанные лингвополитические мифологемы.

Первая из них – это мифологема целенаправленной языковой политики. Сформулировать ее можно следующим образом. Язык подвергается сознательным изменениям – как правило, изменениям в худшую сторону: он деградирует, становится более примитивным. Как правило, такая языковая политика проводится представителями «врагов» или «сил зла» и направлена на ослабление взаимопонимания людей, на изменение их мышления. Поскольку эта мифологема предполагает некоторый анализ исторического развития языка, то неудивительно, что у авторов, в произведениях которых она встречается, зачастую имеется и собственная концепция истории. Фолк-лингвистика и фолк-истори часто идут рука об руку.

Так, одним из представителей фолк-лингвистической мысли является В. В. Данилов – создатель «Партии духовного ведического социализма», пропагандирующий в своих книгах «собственноручно сконструированный гибрид кришнаитства, древнерусского язычества и собственных нелепых измышлений» [Куликов 2000а].

Согласно В. В. Данилову, «все население Земли всегда говорило и говорит сегодня на

чистейшем санскрите – языке Богов и волхвов. И иного языка просто не существует и не может существовать. Слова всех языков в Мироздании составлены исключительно из слов языка Богов, языка ведунов» [Данилов 1999: 69]. «Чтобы узнать истинный смысл любого современного русского слова, необходимо разбить его на составные части, являющиеся отдельными санскритскими словами, и сделав их перевод с помощью санскритско-русского словаря, прочесть их по очереди. <...> Прочитав же и переведя каждое санскритское слово отдельно, в их правильном расположении (справа налево), мы узнаем истинный смысл каждого русского слова» [Данилов 1999: 71].

По мысли В. В. Данилова, «русский язык – это бесценная сокровищница, неисчерпаемый кладезь Самых Сокровенных мировоззренческих Знаний, несмотря на то, что наш геополитический противник уже тысячелетие целенаправленно и злобно коверкает, засоряет и запрещает его» [Данилов 1999: 78]. «Диверсанты, объявленные Церковью иудео-христианских колонизаторов святыми, как раз и строили свой глобальный план порабощения сознания ариев на том, что стоит заменить в написании слова всего одну букву, <...> или убрать от некоторых согласных звуков практически не читаемое, а лишь придыхаемое “х”, как люди перестают понимать, что сказано, или написано, одно и то же слово» [Данилов 1999: 77–78].

Идеи о целенаправленной языковой политике, ведущейся врагами русского языка, приобретают поистине космический масштаб: «победившие нас слуги Дьявола запрещают называть факты, явления и все прочее их подлинными именами» [Данилов 1999: 78], «самое страшное для врага и самое счастлирое для вас время наступит тогда, когда каждый из Ариев узнает истинный смысл каждого произнесенного им слова. Ибо перед ним откроется Истина» [Данилов 1999: 78–79].

Не менее оригинальные взгляды пропагандирует А. Ю. Хиневич – основатель религиозного течения неоязыческого характера под названием «инглизм». Учение инглизма изложено в серии книг, известных как «Славяно-арийские веды». Инглизм, по утверждению его адептов, взявших себе наименование «инглинги» – это «священная вера предков», донесенная до наших дней в неприкосновенности некими жрецами-хранителями [СAB 1: 4].

Лингвистический миф инглизма включает в себя утверждения о наличии в далеком прошлом у «славян и ариев» нескольких типов письменности и, соответственно, неизвестных науке языков (эти «письменных языки» носят следующие названия: «Да’арийское письмо», «х’Арийское письмо», «Рассенское образно-зеркальное письмо» и «Святорусское письмо» [СAB 2: 137]), ведомых ныне только посвященным. Особенностью этих письменностей является наличие у каждого знака не только фоне-

тического, но и смыслового значения (т. н. образа). Многие слова русского языка толкуются адептами англиизма как аббревиатуры: например, *пост* (в форме *постъ*) – это «полное очищение собственных телесъ сотворяша» [Сав 1: 156].

Из книг «инглингов» можно узнать, в частности, что в 20-30-е гг. XX в. «советская форма письма и орфография» исказили «наш родной образный язык» [Сав 1: 10]. Но это искажение началось намного раньше, сразу же после принятия христианства: «Древнюю Азбуку» «изменили и упростили до предела», тем самым лишив детей «образного мышления и способности творчески мыслить» [Сав 2: 142], а изменение алфавитов, языков, уничтожение родных слов и замена их иностранными ведет к непониманию «Древней Мудрости» [Сав 1: 131]. По словам самого главы Инглистической церкви (полное название – «Древнерусская инглистическая церковь православных староверов-инглингов»), «сделали обрезание великому славянскому языку, и мы получили в результате а-бе-ве... фонемичу вместо образного языка, поэтому он безобразный, то есть не имеющий образов. Поэтому никто не понимает словообразования, образотворения слова» [Хиневич 2004].

В интервью А. Ю. Хиневич высказывается определенное: «постоянно проходило обрезание русского языка. То есть Кирилл и Мефодий взяли древнесловенскую буквицу, в которой было 49 буквиц, 5 букв выбросили, потому что не было в греческом языке таких звуков, а для четырех дали греческие названия. Ярослав Мудрый убрал еще одну букву, осталось 43. Петр Первый сократил до 38, Николай Второй до 35, господин Луначарский – до 31-й буквы. <...> Луначарский и образы убрал! Он ввел вместо образов фонемы» (см. <http://akhinevich.narod.ru/spb>).

Как пишет фолк-лингвистический автор из Украины К. В. Липских, «в дохристианском славянском языке было более 100 букв (звуков). С приходом христианства в русском языке осталось 46 букв, а в настоящее время их количество сократилось до 33. Произошло это в результате разделения русского языка на два наречия: украинское, взявшее себе буквы – і, ї, и российское, взявшее себе буквы – ы, и, е. Рассматривая этот процесс мы можем видеть, что человечество, по мере развития цивилизации и книжного языка, не развивалось а деградировало в своем языковом эквиваленте» (пунктуация и орфография оригинала сохранены – Д. П.) [Липских 2008].

Интересно заметить, что еще один фолк-лингвистический автор, А. Д. Плешанов, чьи работы посвящены нумерологической интерпретации кириллического алфавита, полагает, что алфавит из 33-х букв был введен представителями некоего жреческого клана [Плешанов 2001: 26], и именно он является наиболее со-

вершенным [Плешанов 2001: 11]; таким образом, последняя реформа алфавита оценивается им положительно. Но в своих оценках А. Д. Плешанов, видимо, является исключением в фолк-лингвистической среде, где миф о деградации письменности и языка, наоборот, является правилом (с некоторыми натяжками к числу его единомышленников в этом вопросе можно причислить разве что В. А. Чудинова). Даже коллега А. Д. Плешанова по нумерологическим исследованиям русского алфавита А. И. Печенкин не считает русский алфавит наиболее совершенным и окончательным, предвещая его пополнение новыми знаками [Печенкин 2005: 393].

Любопытным примером лингвистического учения, приобретшего религиозный по своей сути характер, является т. н. «всеясветная грамота», созданная А. Ф. Шубиным-Абрамовым, якобы «носителем родовой памяти» и «хранителем тайных знаний посвященных» [Куликов 2000]. Как и в случае с англиизмом, декларируется, что концепция не была создана в наше время, а основывается на древних знаниях.

Суть теории «всеясветной грамоты» состоит в том, что обычные люди читают буквы русского алфавита как «плоские», на самом же деле эти буквы в произведениях классиков и древних письменах не «плоские», а пространственно определенные, как бы объемные. Но не всякий способен прочесть информацию, содержащуюся на пространственных гранях и плоскостях букв. В прошлом человечество умело читать пространственную письменность, но затем деградировало, и теперь подавляющее большинство людей в состоянии лишь снимать информацию с проекции пространственных букв на плоскость, то есть люди потеряли способность чтения «вглубь». И только адепты «всеясветной грамоты» могут это делать [Там же].

Согласно материалам официального веб-сайта общественной организации «ВсеЯСветная Грамота» (<http://www.vgramota.ru/vctuplenie.php>), «молитвы – это определенные Грамотные Сочетания Букв, которые выстроены просветленными Людьми с Божьей Помощью. силы сла стремятся отобрать у Человека возможность пользоваться Благодатью, исходящей от этих сочетаний. Для этого они пытаются изменить “язык” – вводят искаженные “слова” и убирают Грамотные, подменяя Смысл оных. Ранее в нашем языке было 147 Букв для Земного Плана Восприятия и 1234 Буквы для Вселенского. Сейчас осталось 33, а, к примеру, на некоторых компьютерных клавиатурах и печатных машинках убрали Буквы “Е” и “Ъ”. С каждой вычеркнутой из нашего Сознания Буквой отнимались у Народа Знания» (орфография оригинала сохранена).

Данная концепция популяризируют в своих работах ряд авторов – например, Н. И. Беляко-

ва [Белякова 1994], М. М. Безлюдова [Безлюдова 2008] и др.

Так, популяризатор «всеясветной грамоты» О. М. Гусев [см. Гусев 2000; Гусев 2001] пишет: «Возьмем “мышление”. Это изуродованное красивое русское слово “МЫСЛЕНИЕ” (ударение на первый слог). Злонамеренной заменой здесь “с” на “ш” под видом “чередования” согласных “лингвисты” стремятся известить работу нашей мысли до уровня мыши» [Гусев 2000: 132]; «Такие великие протокорни, как РА и АР, намеренно сделали частью других искусственно выдуманых “корней”» [Там же].

Таким образом, ответственность за намеренную порчу языка возлагается в том числе и на представителей лингвистической науки: «в тесной смычке с “историками” против Русских действуют и “лингвисты” [Гусев 2000: 154]; «Глубокий разрушительный след в русском языке и русской культуре оставило не татаромонгольское “иго”, а христианские редакторы и следовавшие в заданном ими направлении мысли “лингвисты”, которые уничтожали в нашем языке слова с сакральными протокорнями» [Гусев 2000: 249]; «В русском и других языках мира “лингвисты” ввели написание восклицательного знака – “!”, который есть ничто иное, как і точкой вниз. Так в старину обозначался умерший и похороненный человек. С подачи придумавших его получается, что когда мы восклицательным знаком желаем подчеркнуть свою мысль, то тут же отсылаем ее в загробный мир» [Гусев 2000: 121]. Заметим, впрочем, что подобное мнение никоим образом не мешает автору использовать восклицательный знак в своих работах.

Солидарен с обвинениями О. М. Гусева и историк-любитель Е. А. Гладилин. По его мнению, «смысл очень старых понятий» «извращен современными “специалистами” по языку»: например, «было изменено значение слова “оракул” с места, в котором живут пророки жрецы, на само понятие “пророк”» [Гладилин 2003].

Взгляды О. М. Гусева и Е. А. Гладилина образуют своего рода переход ко второй мифологии, которую можно сформулировать следующим образом: «Современная лингвистическая наука как таковая является по происхождению нерусской (западной) и основана на антирусской идеологии».

Доктор технических наук О. Л. Сокол-Кутыловский, аргументирующий тезис о славянском характере древнегерманской рунической письменности, заявляет, что для большинства профессиональных лингвистов «их профессия – только ремесло, заключающееся в скучном занятии: приводить периодически варварские славянские языки к нужному порядку и следить за тем, чтобы неблагоприятные аборигены строго следовали точной филологической науке западного образца» [Сокол-Кутыловский 2008а]. Что касается историков, то «у зарубежных историков свой интерес, о них и говорить нечего.

А современным «русским», то есть бывшим советским и пост советским историкам, древняя история России не нужна. Они служат явно чуждым России богам, отнюдь не Славянским» [Сокол-Кутыловский 2008].

В подобном ключе высказывается и известный фолк-лингвистический исследователь и автор пособий по английскому языку А. Н. Драгункин: «иностранные (да и наши) “ученые” не видят очевидного (= т. е. истинных масштабов прошлого “славянского/русского всеприсутствия”)» [Драгункин 2004: 29]; «российские “ученые” загнипнотизированы и парализованы “возможностью выбора” между тоннами “лакированных обложек”, а их западные “товарищи” просто катятся по уже накатанным рельсам, ничего нового не деля» [Драгункин 2004: 22]. «Недотепы со званиями и в мантиях» не могут разделить выводы автора «из-за недостаточного профессионализма, узости лингвистического кругозора, зашоренности, умственной лени и предубежденности» [Драгункин 2004: 122].

А. Н. Драгункин утверждает, что его «“пассажи” в адрес недобросовестных представителей научного мира не являются огульными, а относятся только и исключительно к людям именно недобросовестным» [Драгункин 2004: 110]. Однако оказывается, что в число недобросовестных или в лучшем случае недальновидных попадают практически все представители академической науки: так, М. Фасмер «не выявил ни одного первичного корня» [Драгункин 2004: 119], а Э. Бенвенист проявил «косность мышления» [Драгункин 2004: 193]. То, что «увидел и выявил» А. Н. Драгункин, «проморгали даже такие мэтры как Ф. де Соссюр, Мещанинов, Марр и т. д.» [Драгункин 2004: 27]. Составителей этимологических словарей А. Н. Драгункин прямо называет «врунами» [Драгункин 2004: 166]. «К сожалению, пресса, научная периодика, признание и поддержка власти – у них», – с грустью констатирует автор [Драгункин 2004: 225].

Не менее яркий представитель фолк-лингвистики доктор философских наук В. А. Чудинов полагает, что «официальная наука политически ангажирована» [Чудинов 2009], а академическая русистика «в последние десятилетия оказалась в руках нерусских людей и разрабатывается в целях запада» [Чудинов 2010]; «уже давно разделы русского языкознания перешли в руки иностранцев или инородцев, для которых интересна не русская самобытность, а, напротив, русская зависимость от Запада и Востока [Чудинов 2009а].

В. А. Чудинов открыто обвиняет современную индоевропеистику во лжи, так как она противоречит теории наделения слогов смыслом; эта ложь, согласно В. А. Чудинову, «продиктована желанием скрыть факт происхождения всех европейских языков из русского языка» [Чудинов 2010а].

То же самое относится и к этрусологии, ко-

торая на деле только мешает делу дешифровки этрусских надписей, потому что «западная общественность в течение столетий пыталась выбросить славян из истории» [Чудинов 2006: 590–591].

Яркий представитель фолк-лингвистики и фолк-истори Ю. Д. Петухов, для которого главным инструментом воссоздания «подлинной истории» является обращение к лингвистическим фактам (подробнее см. [Полиниченко 2009]), утверждает, что «реальную историю в нашем мире знают немногие» [Петухов 2008: 3], а «написанная романо-германскими историками и историографами “история Европы” есть плод их геополитических амбиций и местечковых национальных фантазий» [Петухов 2008: 14]. Более того, «функционерами от “академической науки”, идеологами-политкорректорах делает все возможное, чтобы человечество полностью утратило память о своей подлинной, реальной этнической и этической истории» [Петухов 2008: 346].

Наглядный следующий пример рассуждений Ю. Д. Петухова о логике лингвистического исследования: «Принято считать, что древнескандинавский язык входил в северную подгруппу германской группы индоевропейской языковой семьи. Есть ли основания для этого? Только одно – в современных шведском, норвежском, датском, исландском языках чрезвычайно много германских построений и германизмов (как и латинизмов). Можно ли отсюда сделать вывод, что древнескандинавский язык был одним из германских языков? Можно... но только при заданности этой целью. А можно поступить иначе, так, как обязан поступать ученый, если он считает себя ученым, а не популяризатором политических идей, – реконструировать древнескандинавский язык, очистив его от многовековых языковых напластований и заимствований, и убедиться, что да, общеиндоевропейские основы в нем, безусловно, есть, так как он один из индоевропейских языков, – но чисто германских, увы, до X века не прослеживается» [Петухов 2008: 185–186].

В итоге Ю. Д. Петухов делает категоричные выводы, фактически отказывая ученым, не признающим его теорию, в праве именоваться таковыми: «История Человечества – это изначально и повсеместно История Русов. Все создано ими, все имена себе и другим даны ими, все вещи и явления назвали они. Из своего Языка Русов (я пишу Языка с прописной буквы, потому что это Первозык, язык языков. Все прочие языки – производные от него. Все прочие народы и народности – производные от русов, в той или иной степени смешанных с местными архантропами). Тот “лингвист”, который этого не понимает, не лингвист. Тот “историк”, который не осознает этого, не историк» [Петухов 2008: 355].

Можно видеть, что продвижение данной мифологемы является целенаправленной стра-

тегией дискредитации оппонентов. А поскольку выдвигаемые фолк-лингвистическими авторами теории противоречат чуть ли не всей полноте положений как лингвистической, так и исторической науки, объектом дискредитации становятся как современные академические концепции, так и конкретные люди и институты. Таким образом, можно говорить об использовании отечественными фолк-лингвистическими авторами стратегии дискредитации оппонентов, в которой используются приемы приписывания профессиональным исследователям следующих отрицательных качеств: 1) некомпетентности, 2) консерватизма, ретроградности, 3) слепого следования авторитетам, 4) недобросовестности, идеологической ангажированности, 5) служения врагам русского языка, русского народа и «подлинной истории». Отказывая представителям «официальной» науки в доверии, фолк-лингвистические авторы в то же время надеются на «честных ученых» [Драгункин 2004: 225].

Данную стратегию используют даже не обращающиеся к национальному аргументу фолк-лингвистические авторы. Здесь показателен пример кандидата филологических (!) наук Н. Н. Вашкевича: «Компаративистика разоблачает себя абсурдностью своего названия. <...> компаративистика возникла для того, чтобы реконструировать так называемый праязык, абстракцию, которую никто никогда не видел и не слышал. Понятно, что в итоге мы получаем большую кучу хлама, состоящую из одних гипотез. <...> Уже 200 лет как самое подходящее место для компаративистики помойная яма» [Вашкевич 2009].

Отметим, впрочем, что не все представители фолк-лингвистической мысли использует подобную стратегию дискредитации. Некоторые из них (как, например, известный дешифровщик древних письменностей, геолог по специальности Г. С. Гриневич) в своих произведениях склонны обходить молчанием вопрос о признании научным сообществом их теорий.

Описанные выше мифологемы вполне согласуются с мифологемами национального мифа, описанными Д. Б. Гудковым: древность родного языка, его исключительное богатство, его необыкновенная сложность, угрозы родному языку, теряющему чистоту и правильность [Гудков 2009: 82]. Возможно, в этом и кроется одна из причин популярности фолк-лингвистических сочинений.

Заметим, что первая мифологема присутствует в сочинениях авторов, исповедующих в основном неоязыческие (в широком смысле) взгляды. Часто эти концепции подаются в качестве религиозного откровения. Представляется, что это в некотором роде естественно: при попытках обосновать утверждения о глубокой древности русской письменности и языка почти неизбежно обращение к древнейшим культурно-религиозным пластам истории этноса, а нео-

языческий партикуляризм (прежде всего дихотомия «мы – они», проецируемая и на религиозную плоскость) в данном случае идеологически более удобен, нежели универсализм мировых религий. Образ врага в данных концепциях варьируется от «инородцев» до вселенского, метафизического зла.

Вторая же мифологема популярна у авторов, позиционирующих себя как представителей науки (пусть даже «неофициальной»), а свои труды как научные. Эти авторы, пытаясь обосновать свои взгляды, опираясь на научный подход, сталкиваются с проблемами разного рода, логичным решением которых является дискредитация оппонентов, а по сути – всей современной лингвистики и истории. Подобная агрессивность, присущая и фолк-истории, объясняется тем, что фолк-лингвистический автор зачастую вынужден «либо симулировать научные разработки, либо так или иначе дискредитировать научное сообщество, отыскивая во внеучной сфере аргументы, позволяющие отрицать ценность критики со стороны профессиональных исследователей» [Володихин 2000: 17].

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н. Д. Введение. Наивные размышления о наивной картине языка // Язык о языке. Сб. статей. – М.: Языки русской культуры, 2000. С. 7–19.

Базылев В. Н. Политика и лингвистика: «великий и могучий...» // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 3. С. 9–29.

Безлюдова М. М. Имя и календарь: Древние знания Всеясветной Азбуки. – М.: Гранд-Фаир, 2008.

Белякова Н. И. Всеясветная грамота. 1000 лет забвения. – СПб., 1994.

Вашкевич Н. Н. Разборки академиков // Проявление смысла [Сайт]. 2009. URL: <http://nnvashkevich.narod.ru/TEXTS/RECENZ/zlz.htm> (дата обращения: 06.10.2010).

Володихин Д. М. Феномен фолк-истории // Отечественная история. 2000. № 4. С. 16–24.

Гладилин Е. А. История Древнего мира // Возрожденная Русь [Сайт]. 2003. URL: <http://rojdenierus.ru/doc/oldworld/04.shtml> (дата обращения: 29.10.2010).

Голев Н. Д. Толерантность как вектор антиномического бытия языка // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная монография. – Екатеринбург, 2003. С. 174–191.

Гудков Д. Б. Лингвистический миф в национальной мифологии // Вестник ЦМО МГУ. 2009. № 1. С. 79–85.

Гусев О. М. Белый конь Апокалипсиса. – СПб.: ЛИО Редактор, 2000.

Гусев О. М. Магия русского имени. – СПб.: ЛИО Редактор, 2001

Данилов В. В. Арийская империя. Гибель и возрождение. Книга первая. Евангелие от ариев. – М.: «464», 1999.

Дебрэнн М. Новые зарубежные работы по наивной лингвистике // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. II: коллективная монография. – Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2009. С. 47–68.

Драгункин А. Н. 5 сенсаций: Pamфлетовидное эссе на тему языка. – СПб.: Издательский дом «АНДРА», 2004.

Зализняк А. А. Что такое любительская лингвистика // ПОЛИТ.РУ [Сайт]. 2010. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2010/07/01/zalizniak.html> (дата обращения: 06.10.2010).

Кашкин В. Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты // Теоретическая и прикладная лингвистика: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж, 2002. С. 4–34.

Клубков П. А. Взгляд на язык в истории культуры // История и филология: проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий: материалы междунар. конф. (2–5 февраля 2000 года). – Петрозаводск, 2000. С. 104–110.

Куликов И. Всеясветная грамота // Новые религиозные организации России деструктивного, оккультного и неоязыческого характера: Справочник. Изд. 3-е, доп. и перераб. Т. 3: Неоязычество. М., 2000. URL: http://cddk.ru/gos_i_religia/bez/t3/y024.html (дата обращения: 06.10.2010).

Куликов И. Партия духовного ведического социализма // Новые религиозные организации России деструктивного, оккультного и неоязыческого характера: Справочник. Изд. 3-е, доп. и перераб. Т. 3: Неоязычество. М., 2000а. URL: http://cddk.ru/gos_i_religia/bez/t3/y071.html (дата обращения: 06.10.2010).

Липских К. В. Космическая гармония русского языка // Язычество и ведизм [Сайт]. 2008. URL: <http://rasen-rus.narod.ru/tolkovnik/garmonija.htm> (дата обращения: 06.10.2010).

Петухов Ю. Д. Норманны – Русы Севера. – М.: Вече, 2008.

Печенкин А. И. Тайны русского алфавита. Нумерология. – М.: АСТ, 2005.

Плешанов А. Д. Русский алфавит – основа прогнозирования глобальных катаклизмов. – М.: Новый центр, 2001.

Полиниченко Д. Ю. О феномене фолк-лингвистики // Информационно-коммуникативная культура: вопросы образования: сб. науч. ст. – Ростов н/Д, 2007. С. 102–105.

Полиниченко Д. Ю. Метаязыковая рефлексия в фолк-истории (на примере концепции Ю.Д. Петухова) // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. II: коллективная монография. – Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2009. С. 26–35.

Полиниченко Д. Ю. Фолк-лингвистика как объект научного изучения // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. I: коллективная монография. – Кемерово, Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2009а. С. 67–87.

САВ 1 = Славяно-Арийские Веды. Сангити Веды Перуна. Сага об Инглингах. – Омск; Издание Древнерусской Инглистической церкви Православных Староверов-Инглингов; Церковное издательство «АСГАРДЪ»; Издательство «АРКОР», 2001.

САВ 2 = Славяно-Арийские Веды. Книга Вторая. Книга Света. Слово Мудрости Волхва Велимудра. – Омск; Издание Древнерусской Инглистической церкви Православных Староверов-Инглингов; Издательство «АРКОР», 1999.

Сокол-Кутыловский О. Л. Боги в рунических надписях Северной Европы (часть 3) // «Академия Тринитаризма» [Сайт]. 2008. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/008a/02111138.htm> (дата обращения: 31.10.2010).

Сокол-Кутыловский О. Л. О результатах чтения рунических текстов Древней Европы // «Академия Тринитаризма» [Сайт]. 2008а. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/008a/02111140.htm> (дата обращения: 06.10.2010).

Хиневич А. Ю. Устные сказания, письменное наследие, танцевальные и песнопевческие традиции – духовная основа и фундамент народного творчества, как альтернатива экспансии «попсы» и «кича», заполнивших современное культурное про-

странство России // Вторая международная конференция Православных староверов. Ведическая культура Славян и Ариев: проблемы и перспективы ее возрождения на Евразийском континенте. – Анапа, 2004. URL: <http://akhinevich.narod.ru/anapa> (дата обращения: 31.10.2010).

Чудинов В. А. Вернем этрусков Руси. – М.: «Поколение», 2006.

Чудинов В. А. Может ли быть слог носителем смысла? // Расшифровка славянского слогового и буквенного письма [Сайт]. 2009. URL: <http://chudinov.ru/slog/4/> (дата обращения: 06.10.2010).

Чудинов В. А. Этимология слов на А Макса Фасмера // Расшифровка славянского слогового и буквенного письма [Сайт]. 2009а. URL: <http://chudinov.ru/fasmer/5/> (дата обращения: 06.10.2010).

Чудинов В. А. Комментарий к работе Дмитрия Ираклидиса // Расшифровка славянского слогового и буквенного письма [Сайт]. 2010. URL: <http://chudinov.ru/iraklidis/#more-5291> [дата обращения: 06.10.2010].

Чудинов В. А. Комментарий к статье о РЯ бюро переводов // Расшифровка славянского слогового и буквенного письма [Сайт]. 2010а. URL: <http://chudinov.ru/ria/2/> (дата обращения: 06.10.2010).

© Полиниченко Д. Ю., 2010